

О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА

В. Ф. Романов

Изучение социально-экономической основы российского самодержавия эпохи империализма в комплексе и во взаимосвязи ее существенных сторон и проявлений — одна из актуальных задач советской исторической науки. Ее разработка позволяет глубже проникнуть в механизм взаимодействия экономического базиса и политической надстройки в целом, раскрыть диалектику общего и особенного в вызревании объективных и субъективных предпосылок социалистической революции в России, своеобразии расстановки классов и фактического соотношения сил к 1917 г., показать политический облик и место российской буржуазии в системе общественных отношений, социально-экономическую основу ее контрреволюционности, обосновать историческую необходимость буржуазно-демократической революции в России, объективную обусловленность и возможность перерастания ее в социалистическую революцию. Не случайно данная проблема постоянно находится в центре внимания историков. При этом исследования, прямо или косвенно, в большей или меньшей мере отражающие этот вопрос, можно условно дифференцировать и сгруппировать следующим образом.

Первую группу составляют работы, акцентирующие основное внимание на своеобразии политического режима, формах правления, воплощенных в царизме, на механизме функционирования государственной власти, то есть на анализе непосредственно «надстроечно-юридической» стороны самодержавия¹. Изучение специфики российского «парламентарного», рожденного революцией 1905—1907 гг., соотношения абсолютистских и конституционных тенденций в политической надстройке России эпохи империализма — главная тема большинства этих работ. Вторая группа — статьи и монографии, раскрывающие социально-экономическую структуру России данного периода². Они являются своеобразным фун-

¹ Ф. И. Калинычев. Государственная Дума в период первой русской революции (1905—1907 гг.). Докт. дисс. М. 1965; А. И. Тимошенко. Изменение в государственном механизме Российской империи в период первой мировой войны. Канд. дисс. Л. 1968; А. Я. Аврех. Столыпин и Третья Дума. М. 1968; П. Н. Зырянов. Третья Дума и вопрос о реформе местного суда и волостного управления. «История СССР», 1969, № 6; Д. В. Петрова. Новое в оценке полномочий Думы. «Проблемы государства и права на современном этапе». Вып. 1. М. 1970; Е. Д. Черменский. Царизм и третьиюньская дума. «Вопросы истории», 1973, № 1; А. М. Давидович. Самодержавие в эпоху империализма. М. 1975; Н. П. Ерочкин. Самодержавие накануне краха. М. 1975.

² А. П. Погребинский. Государственно-монополистический капитализм в России. Очерк истории. М. 1959; Я. И. Лившин. Монополии в экономике России. М. 1961; С. М. Дубровский. К вопросу об уровне развития капитализма в сельском хозяйстве России и характере классовой борьбы в деревне в период империализма. «Особенности аграрного строя России в период империализма». М. 1962; В. И. Бовыкин. Зарождение финансового капитала в России. М. 1967; В. Я. Лаврычев. Некоторые особенности развития монополий в России. «История СССР», 1969, № 3, и др.

даментом при анализе социально-экономической основы самодержавия как политической надстройки, изменений в реальном соотношении классовых сил, характерных для периода империализма. Третью группу составляют работы, посвященные характеристике социально-политического облика российской буржуазии, ее взаимосвязи с царизмом, проблеме эволюции и классовой сущности самодержавия³. Обобщающей работой об эволюции российского самодержавия в эпоху империализма является монография А. М. Давидовича, раскрывающая различные грани и стороны данного процесса. Она представляет интерес и с точки зрения критики некоторых бытующих в нашей литературе концепций⁴. Однако, стремясь во что бы то ни стало опровергнуть ошибочный тезис о превращении самодержавия в буржуазную монархию, автор вольно или невольно отлучает российскую буржуазию от реально политической власти. К четвертой группе можно отнести исследования, посвященные дворянско-помещичьему классу-сословию, политике царизма в «дворянском вопросе»⁵.

Не ставя своей целью дать обстоятельный анализ этой литературы, ограничимся некоторыми общими замечаниями. Во-первых, в историографии довольно четко обозначилась тенденция, когда историко-юридический, правовой аспект самодержавия нередко заслоняет вопросы социально-экономической структуры и классового содержания царизма. Нам представляется, что своеобразие абсолютизма эпохи империализма связано не столько с изменением государственно-правовых норм, формально-юридической стороны функционирования самодержавия, сколько с качественными сдвигами в экономической структуре и социально-политическом строе, в расстановке классовых сил, имевших место в начале XX века. Именно эти вопросы должны занимать центральное место при изучении эволюции самодержавия. Во-вторых, в оценке роли и места буржуазии в социально-политической структуре общества преобладает концепция «политического безвластия» российского капитала. Отдельные историки в лучшем случае говорят о возрастании политической роли буржуазии, о том, что царизм управлял, «опираясь на поддержку капиталистических верхов». Общий же концептуальный стержень подавляющего большинства работ по проблеме взаимоотношений царизма и буржуазии в эпоху империализма таков: в силу того, что феодально-крепостническая природа самодержавия в эпоху империализма не изменилась, российская буржуазия вплоть до 1917 г. не имела доступа к реальной политической власти.

Проблема объема реальной политической власти, которым буржуазия обладала в эпоху империализма, до сих пор остается, по существу, вне поля зрения исследователей. Это объясняется недостаточным вниманием к понятию «реальная политическая власть», абсолютизацией несоответствия между экономическим весом и политической ролью русской буржуазии, игнорированием той истины, что о характере

³ И. Ф. Гиндин. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности. «История СССР», 1963, №№ 2, 3; его же. В. И. Ленин об общественно-экономической структуре и политическом строе капиталистической России. «В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России». М. 1970; В. С. Дякин. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. Л. 1967; С. Я. Боровой. Об экономических связях буржуазной верхушки и царизма в период империализма. «История СССР», 1970, № 2; Е. Д. Черменский. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М. 1970; В. Я. Лаврычев. Царизм и рабочий вопрос. М. 1971; Г. С. Акимов. Российская буржуазия в годы первой мировой войны. «Вопросы истории», 1974, № 10.

⁴ См. А. М. Давидович. Указ. соч., стр. 128—134, 195, 203—205, 208—210, 232 (полемика с А. Я. Аврехом).

⁵ А. П. Корелин. Российское дворянство и его сословная организация (1861—1904 гг.). «История СССР», 1971, № 5; Ю. Б. Соловьев. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л. 1973.

реальной власти следует судить не по формально-юридическому облачению данного политического режима, а прежде всего по фактическому соотношению сил, сложившемуся в жизни. Не учитывается также и то обстоятельство, что сохранение феодально-крепостнической природы самодержавия не исключало реальной политической власти буржуазии в известных пределах, соответствующих экономической силе данного класса. Обратим внимание на политический аспект решения рассматриваемой проблемы. Если отрицание феодально-крепостнической природы царизма эпохи империализма означает сползание к меньшевистской концепции самодержавия, непризнание объективной обусловленности и необходимости буржуазно-демократической революции в России, то тезис о «политическом безвластье» российской буржуазии ставит в известном смысле под сомнение ленинскую теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Ведь одним из важнейших факторов, способствующих непрерывному развитию революции — от буржуазно-демократического этапа к социалистическому, — было то обстоятельство, что, нанося сокрушительный удар по старой политической надстройке, буржуазно-демократическая революция одновременно уничтожала надежный и отработанный механизм буржуазного влияния на политику царизма, определенные политические привилегии буржуазии, о которых писал В. И. Ленин⁶. Кроме того, в литературе имеют место ошибочные оценки классовой сущности самодержавия, вытекающие из не всегда точных трактовок таких фундаментальных категорий марксистско-ленинской теории, как «государство», «социальная опора», «политическая надстройка».

Автор данной статьи, опираясь на фактический материал, накопленный советской исторической наукой, предпринимает попытку показать в свете ленинской концепции самодержавия социально-экономическую обусловленность эволюции царизма в эпоху империализма, роль и место российской буржуазии в социально-политической структуре общества, механизм ее воздействия на политику самодержавия. При этом автор отнюдь не претендует на введение в научный оборот каких-либо новых пластов документальных материалов, стремясь теоретически осмыслить то, что уже отложилось в нашей литературе.

Учитывая известную дискуссионность и сложность проблемы самодержавия, необходимо высказать некоторые общие замечания, связанные с марксистско-ленинской теорией государства, ибо в нашей литературе имеют место факты забвения отдельных, весьма существенных положений этой теории. В частности, нельзя согласиться с рядом суждений, сформулированных А. Я. Аврехом. Критические замечания в его адрес высказывались уже неоднократно. Не повторяя сказанного, обратим внимание на некоторые исходные методологические посылки позиции А. Я. Авреха. Следует прежде всего отметить определенную цельность и законченность сконструированной им концепции: большинство его принципиальных суждений несет на себе печать этой концепции. Ее отзвуки мы обнаруживаем и у других авторов⁷. Довольно рельефно и отчетливо А. Я. Аврех сформулировал суть своих взглядов на самодержавие в брошюре «В. И. Ленин о революционной ситуации». Они уточнялись и конкретизировались во всех последующих его работах, но исходная методологическая посылка автора оставалась неизменной. Он, в частности, писал: «Общество, состоящее в основном из угнетенных классов, будет соглашаться, мириться с данным классовым господством,

⁶ См. В. И. Ленин. ПСС. Т 21, стр. 241.

⁷ В частности, отдельные авторы склонны рассматривать российское крестьянство как социальную опору самодержавия. См.: В. Е. Гулиев. Развитие В. И. Лениным марксистских взглядов на относительную самостоятельность эксплуататорского государства. «Вопросы государства и права в трудах В. И. Ленина». Душанбе. 1963, стр. 230; «История государства и права СССР». Ч. I. М. 1967, стр. 580.

постольку, поскольку оно обеспечивает, помимо интересов господствующего класса, и интересы общества в целом»⁸. И в другой работе: «Ни одно государство не может существовать без массовой социальной базы, т. е. без добровольной поддержки и признания со стороны широких народных масс. А это признание дается лишь в той мере и до тех пор, пока государство наряду с интересами господствующего класса обеспечивает общенациональные интересы. Как только оно перестает удовлетворять этому требованию, оно лишается своей широкой социальной базы и тем самым оказывается на пороге гибели»⁹. Автор отвергает мнение, что основной социальной опорой царизма был класс крепостников-помещиков. «Никому из сторонников этой, казалось, очевидной истины,— рассуждает он,— не приходит в голову, что утверждать подобное, значит, примерно говорить, что самодержавие опиралось на самого себя. В этом смысле, разумеется, самодержавный режим опирался на помещиков. Но речь идет о массовой социальной опоре, обеспечивающей возможность длительного господства царизма. Такой массовой социальной опорой для него в течение многих десятилетий было крестьянство, что было обусловлено неподвижностью и патриархальностью крестьянской жизни (по периодизации А. Я. Авреха крестьянство оставалось такой опорой до революции 1905—1907 гг.— В. Р.)... Именно это обстоятельство обуславливает и обеспечивает государству его известную независимость и самостоятельность по отношению к собственному классу»¹⁰. Говоря о своеобразии третьиюньской монархии, А. Я. Аврех указывает: «Самодержавие намеревалось решить задачи буржуазной революции и в политической области, осуществив такой минимум либерально-буржуазных реформ, который позволил бы ему преобразоваться в буржуазную монархию. Иначе говоря, царизм задумал изменить не только базис, но и надстройку, не только уничтожить устои социально-экономических отношений в деревне, но и сделать современной в буржуазном смысле политическую систему управления...»¹¹.

С этими оценками А. Я. Авреха нельзя согласиться. Во-первых, в известном смысле он искажает сущность и функции эксплуататорского государства в целом; во-вторых, допускает явную произвольность трактовки категории «социальная опора государства»; в-третьих, не точен в объяснении механизма взаимодействия экономического базиса и политической надстройки применительно к анализу третьиюньской монархии.

По мнению А. Я. Авреха, сущность государства двоякая. С одной стороны, оно орудие господства эксплуататоров, с другой — выразитель общенациональных интересов. Между тем для основоположников марксизма-ленинизма качественная определенность эксплуататорского государства всегда была предельно однозначна. В. И. Ленин подчеркивал, что «по Марксу, государство есть орган классового господства, орган угнетения одного класса другим»¹². Характеризуя специфику интересов, которые в своей деятельности воплощает эксплуататорское государство, Ф. Энгельс указывал: «Государство в целом является лишь выражением, в концентрированной форме, экономических потребностей класса, господствующего в производстве»¹³. Другое дело, что государство не однозначно по своим функциям, вытекающим из его сущности, выступающим как способ сохранения классового господства эксплуататоров. Одной из таких важнейших его функций является регулирование общественных отношений, координация в известных пределах экономических

⁸ См. А. Я. Аврех. В. И. Ленин о революционной ситуации. М. 1964, стр. 32.

⁹ А. Я. Аврех. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России. «История СССР», 1968, № 2, стр. 90.

¹⁰ См. А. Я. Аврех. В. И. Ленин о революционной ситуации, стр. 32—33.

¹¹ См. А. Я. Аврех. Столыпин и Третья Дума, стр. 5.

¹² В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 7.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 310.

связей, «учетно-регистрационная деятельность», обеспечивающие более эффективную эксплуатацию трудящихся масс. Извращая содержание этой функции, буржуазные идеологи стараются изобразить эксплуататорское государство выразителем общенациональных интересов¹⁴. Реальная же действительность показывает, что любая функция государства претворяется в жизнь только через призму интересов господствующего класса¹⁵. В этой связи Ф. Энгельс, характеризуя «общесоциальную» миссию эксплуататорского государства, отмечал: «Государство было официальным представителем всего общества, его сосредоточением в видимой корпорации, но оно было таковым лишь постольку, поскольку оно было государством того класса, который для своей эпохи один представлял все общество: в древности оно было государством рабовладельцев — граждан государства, в средние века — феодального дворянства, в наше время — буржуазии»¹⁶, то есть оно воплощает в своей деятельности организованную волю господствующих классов.

Мощь и устойчивость всякого государства определяются прежде всего прочностью экономических и политических позиций тех классов, чьи интересы в своей деятельности оно воплощает (такова главная гарантия существования государства). Это и есть те общественно-политические силы, которые составляют содержание понятия «социальная опора». Категория «массовая социальная опора», которой оперирует А. Я. Аврех, в строго научном смысле тавтологична, ибо самим понятием «социальная» подчеркивается массовидность, общественная значимость явления. Государство сохраняет свою жизнеспособность и силу лишь до тех пор, пока опирается на экономически господствующий в данном обществе класс (классы). Поэтому совершенно неуместна ирония А. Я. Авреха по поводу дворянско-помещичьей опоры царизма. Понятие «социальная опора» имеет строго определенное значение, и произвольное его толкование недопустимо — оно введено в научный оборот с той целью, чтобы показать материальную классовую основу, из которой вырастает тот или иной политический институт и интересам которой подчинена его деятельность. Социальная опора — это адекватная данному режиму власти общественная среда, те классы, в которые входят экономические корни правящей верхушки. Другое дело, что эксплуататоры всегда использовали и используют в большей или меньшей мере (это зависит от степени обострения общественных противоречий и уровня социально-политического опыта масс) неразвитость классового самосознания, политическую незрелость трудящихся для ослабления общего фронта борцов против существующего политического режима.

Следовательно, даже ставить вопрос о российском крестьянстве как о возможной массовой опоре царизма нельзя, ибо это не адекватная ему социальная среда, ибо коренные интересы данного класса в целом, вытекающие из его объективного положения в обществе, имели прямо противоположную политике самодержавия направленность¹⁷. Известная же патриархальность, неподвижность крестьянской массы до определенной степени и момента сдерживали процесс вызревания субъективного фактора буржуазно-демократической революции. Но это совершенно другой вопрос, связанный с анализом тех негативных явлений и трудностей, ко-

¹⁴ См. подробнее: Ю. А. Афанасова. Об относительной самостоятельности государства. «Философские науки», 1972, № 6, стр. 38.

¹⁵ Подробнее о функциях государства см.: Б. В. Щетинин. О понятии «государственная власть». «Правоведение», 1973, № 6; Г. Н. Манов. Государство и политическая организация общества. М. 1974.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 291—292.

¹⁷ Вопрос о революционных возможностях российского крестьянства в связи с критикой позиции А. Я. Авреха уже рассмотрен в литературе. См. А. М. Давидович. Указ. соч., стр. 128—129.

торые тормозили развитие революционного процесса в России. Расширяя понятие «социальная опора» государства, можно при желании включить в нее все угнетенные классы.

Вызывает принципиальные возражения и тезис А. Я. Авреха о самотрансформации (даже самоликвидации крепостнической основы) самодержавия в буржуазную монархию, объективно отражающий взгляды автора на процесс взаимодействия экономического базиса и политической надстройки в целом. Этот тезис — логическое следствие исходной посылки А. Я. Авреха о двоякой сущности эксплуататорского государства. Указывая на известную относительную самостоятельность политической надстройки, основоположники марксизма-ленинизма четко определили пределы этой самостоятельности. «Государство,— писал Ф. Энгельс,— не составляет самостоятельной области и не развивается самостоятельно, а и в существовании своем и в своем развитии зависит, в конечном счете, от экономических условий жизни общества»¹⁸. Несомненно, что определенные изменения в политической надстройке возможны и неизбежны и в русле эволюционного развития. Но они являются следствием качественных сдвигов в социально-экономической структуре общества, способом приспособления старой власти к новым тенденциям общественного развития, результатом революционного напора масс. Ни один политический режим власти не сдавал без боя свои позиции, тем более добровольно себя не ликвидировал (намеренные самодержавия преобразовывать себя в буржуазную монархию, о котором пишет А. Я. Аврех, означало ликвидацию феодально-крепостнической основы царизма). К. Маркс в этой связи отмечал: «Господа буржуа... стараются, поскольку возможно, преобразовать *абсолютную* монархию в *буржуазную* без революции, мирным путем. Но абсолютная монархия в Пруссии, как раньше в Англии и Франции, не желает добровольно превращаться в буржуазную монархию. Она не согласна на добровольное отречение. Кроме личных предрассудков государям связывает руки целая армия гражданских, военных и церковных бюрократов... С другой стороны, феодальные сословия упорно держатся за старое; для них дело идет о том, быть или не быть, т. е. о сохранении собственности или об экспроприации»¹⁹. Вольно или невольно тезис о самотрансформации царизма снимает вопрос о необходимости буржуазно-демократической революции.

Исходя из теории надклассовости государственной власти, современные буржуазные идеологи искажают истинный характер взаимосвязи государства и социально-классовой структуры общества. Проблему первичности и вторичности данных явлений они решают таким образом: не социально-классовая структура определяет характер государственной власти, а наоборот. Так, американский социолог Оссовский утверждает, что «политическая элита способна создавать и изменять систему стратификации, вместо того, чтобы быть продуктом этой системы»²⁰. Подоплека подобных рассуждений предельно ясна: поставить под сомнение важнейший вывод марксизма-ленинизма о том, что классовое деление антагонистического общества — историческая неизбежность, порождаемая его экономической структурой, своеобразием объективного положения различных социальных групп в системе общественных отношений. Политическая элита при всей ее видимой независимости воплощает волю господствующих классов, отражает (а не определяет) характер существующей социально-классовой структуры общества. Изменить основу той или иной общественной структуры в пределах антагонистических формаций может только классовая борьба.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 310.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 314.

²⁰ Цит. по журналу «Философские науки», 1972, № 6, стр. 36.

Концепция двузначной сущности эксплуататорского государства сказывается и на других принципиальных выводах А. Я. Авреха, в частности на решении им вопроса о социально-экономической основе относительной самостоятельности самодержавия. Анализируя характер российского самодержавия эпохи империализма, следует исходить из ленинского положения о том, что царизм в конце XIX — начале XX в. сделал несколько шагов по пути превращения в буржуазную монархию, но не стал таковой, не утратил своей крепостнической природы. Смысл ленинской полемики с меньшевиками-ликвидаторами, касающейся изменений в социально-политическом строе царской России, как раз заключается в отстаивании им этого исходного тезиса. В своей статье «О социальной структуре власти» В. И. Ленин решительно возражал Мартову, который, приписывая большевикам мысль меньшевика Ларина о том, что царизм превратился в буржуазную монархию, ставил знак равенства между позицией ликвидатора Ларина и взглядами большевиков на характер эволюции российского абсолютизма. В. И. Ленин подчеркивал, что «на почве *общего* признания (всеми марксистами и всеми желающими быть марксистами) развития старой власти *по пути превращения в буржуазную монархию* идет спор о степени, форме, условиях, ходе этого превращения»²¹. По представлению В. И. Ленина, самодержавие не потеряло своего дворянско-помещичьего характера и не перестало быть политической властью черносотенцев²².

Но встает вопрос: в чем, главном и определяющем, выражалась феодально-крепостническая природа царизма эпохи империализма, в каком смысле он оставался неизменен? Кстати сказать, этот вопрос в нашей литературе как-то обходится стороной. Политическое господство помещиков, крепостнический характер самодержавия проявлялись прежде всего в отношении к угнетенным классам. Политика царизма оставалась неизменно крепостнической именно по отношению к трудящимся массам. Это внутреннее природное свойство, коренная черта самодержавия. «Царское самодержавие,— писал в этой связи В. И. Ленин,— есть крепостная зависимость народа от чиновников и больше всего от полиции. Царское самодержавие есть самодержавие полиции»²³. Крепостническая направленность политики царизма выражалась и в самом характере, формах и методах приспособления помещиков к буржуазному развитию страны. «Получая мотивы для своей деятельности,— писал В. И. Ленин,— в значительной степени от верхов буржуазии, бюрократия дает чисто крепостническое, исключительно крепостническое *направление и облик* буржуазной деятельности»²⁴. Борьба за сохранение полукрепостнических, средневековых форм эксплуатации и угнетения трудящихся масс, экономических и политических привилегий дворянства — вот тот стержень феодальной природы царизма, который оставался неизменным и пронизывал все стадии эволюции российского самодержавия.

Однако данный вывод не противоречит существенным, качественным сдвигам, происшедшим в политической надстройке царской России начала XX века. В этой связи В. И. Ленин подчеркивал, что «классовая природа русской государственной власти претерпела серьезное изменение после 1905 года. Это изменение — в сторону буржуазии»²⁵.

Можно понять ту горячность, с которой А. М. Давидович в полемике с А. Я. Аврехом отстаивает тезис о том, что «качественного скачка —

²¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 20, стр. 196.

²² См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 7, стр. 136.

²³ Там же, стр. 137.

²⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 21, стр. 58.

²⁵ Там же, стр. 298; см. также т. 19, стр. 192 («громкие экономические и политические изменения, которые выражались в попытках приспособления самодержавия к буржуазным условиям эпохи»).

превращения крепостнического абсолютизма в буржуазную монархию — так и не произошло»²⁶. Действительно, о таком скачке не может быть и речи. Но нельзя согласиться и с абсолютизацией крепостнического характера самодержавия эпохи империализма, которая имеет место в книге А. М. Давидовича, с его концепцией политического бессилия российской буржуазии²⁷. Нельзя сводить ленинские оценки самодержавия периода империализма только к таким характеристикам, как «диктатура крепостников-помещиков», «помещичья монархия Николая II», «средоточие банды черносотенных помещиков». Они были необходимы постольку, поскольку надо было показать крепостническую сторону самодержавия, то, что оно является цитаделью полукрепостнических методов эксплуатации и угнетения народных масс. В. И. Ленин использовал эти характеристики как один из способов революционной мобилизации масс на борьбу с самодержавием. Но одновременно с этим он внимательно следил за теми изменениями, которые происходили в царизме как политической надстройке и отражали существенные сдвиги в реальном соотношении классовых сил.

Характеризуя содержание социально-политической обстановки в России после революции 1905—1907 гг., В. И. Ленин указывал, что наступила «своеобразная историческая полоса» — царизм переживает переходное состояние. «Отсутствие «действительной конституции», сохранение полноты власти за самодержавием,— писал В. И. Ленин,— насколько не исключает того своеобразного исторического положения, когда эта власть вынуждена организовывать контрреволюционный союз известных классов в общенациональном масштабе, в открыто действующих учреждениях, имеющих общегосударственное значение, и когда известные классы сами организуются, снизу, в контрреволюционные блоки, протягивающие руку царизму». Он отмечает, что этот союз, «есть своеобразная форма господства классов и господства царя с его шайкой в данный, *переходный* период, форма, порожденная буржуазной эволюцией страны». Здесь же он указывает: «Новая аграрная политика самодержавия тоже не случайность, а необходимое, буржуазно-необходимое и в своей буржуазности необходимое составное звено политики нового царизма»²⁸.

Суть переходного состояния, о котором пишет В. И. Ленин, заключается в своеобразном раздвоении политики царизма, там, где речь идет о регулировании взаимоотношений между крепостниками и контрреволюционной буржуазией. И действительно, раз Россия встала на путь капиталистического развития, то самодержавие по необходимости вынуждено отражать в той или иной степени интересы тех сил, которые олицетворяют собой это развитие — интересы капитала. Следовательно, оно уже не есть абсолютное тождество государству помещиков-крепостников. В конечном счете о характере политического господства следует судить по фактическому соотношению сил, которое складывается в жизни, по материальной направленности этого господства. Русские же капиталисты, отмечал В. И. Ленин, сумели найти тысячу способов влияния на государственную власть, не имея формальной власти²⁹.

Если говорить о реальной власти, то нужно анализировать экономические последствия тех или иных политических акций, исходящих от государства. А эти последствия носили явный отпечаток приспособления царизма к буржуазному строю. Больше того, акцентируя внимание на своеобразии политического положения России, В. И. Ленин указы-

²⁶ См. А. М. Давидович. Указ. соч., стр. 213.

²⁷ Там же, стр. 200.

²⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 19, стр. 243, 244.

²⁹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 106.

вал на новые составные звенья в политике «нового царизма»³⁰. «Новый царизм», политический строй России начала XX в., подчеркивал он, характеризуется своеобразной формой господства крепостников и представителей капитала, является особой переходной формой политической надстройки, фиксирующей в себе не только количественные, но и качественные изменения. Сущность этих изменений в том, указывал В. И. Ленин, что «без «буржуазного истца» правительство не могло бы быть тем, что оно есть; без сговора с буржуазией оно не в состоянии существовать; без попыток примирить Пуришкевичей и Марковых с буржуазным строем и буржуазным развитием России ни министерство финансов, ни все министерства вместе — жить не могут»³¹. В. И. Ленин обращает внимание на тот факт, что самодержавие без опоры на контрреволюционный союз крепостников и представителей капитала не могло быть тем, чем оно есть. Элементарная логика подсказывает, что преломление интересов представителей капитала в политике самодержавия означает не что иное, как фактическое господство буржуазии, которое тесным образом переплетается с реальной властью крепостников. И политическая надстройка отражает это оригинальное переплетение. Качественные сдвиги в политической надстройке России начала XX в. были обусловлены глубокими социально-экономическими изменениями, особенностями предшествующего развития России. «Самодержавие издавна вскармливало буржуазию, буржуазия издавна пробивала себе рублем и доступ к «верхам» и влияние на законодательство и управление»³². Буржуазия с первых шагов своего становления как класс тысячами экономических нитей была связана с помещиками-крепостниками, «их интересы слишком переплетены взаимно», — писал В. И. Ленин³³.

Чтобы судить о своеобразии политической надстройки России эпохи империализма, принципиально важно выяснить социально-экономическую основу относительной самостоятельности самодержавия. Решение этого вопроса зачастую ограничивается в нашей литературе лишь констатацией факта независимости и самостоятельности царской бюрократии. Отдельные истории доходят здесь до явных упрощений. «Царизм как политическая надстройка, — пишет А. Я. Аврех, — не тождествен, не адекватен политическому господству класса крепостников-помещиков, тем более это относится к буржуазии. Помимо их интересов он выражает и другие, в том числе и в первую очередь свои собственные»³⁴. В данном случае А. Я. Аврех смешивает и отождествляет разнопорядковые явления — царскую фамилию и камарилью с царизмом. Между тем царизм как социально-классовое явление есть политическая надстройка, в которой фиксируется отчужденная, организованная воля господствующих классов. И совершенно неправомерна постановка вопроса о каких-то особых интересах царизма.

Основоположники марксизма-ленинизма объясняли природу относительной независимости государства прежде всего неизбежностью определенных противоречий в господствующем классе (классах), на которых обычно и в известной степени балансирует существующий режим власти³⁵. Говоря о бонапартизме самодержавия как гипертрофированной форме самостоятельности государства, В. И. Ленин рассматривал его как отражение, результат соперничества помещиков-крепостников и буржуазии, которые в период империализма относительно уравнивали друг друга в сфере реального соотношения классовых сил. «Если, напри-

³⁰ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 19, стр. 243.

³¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 20, стр. 375.

³² В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 359.

³³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 21, стр. 87.

³⁴ См. А. Я. Аврех. В. И. Ленин о революционной ситуации, стр. 28.

³⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 172.

мер,— писал он,— Пуришкевичи соперничают с Гучковыми и Рябушинскими, то правительство, при некотором уравнивании сил этих соперников, может получать *больше* самостоятельности (конечно, в известных, довольно узких пределах), чем при решительном перевесе одного из этих классов»³⁶. Следовательно, относительная самостоятельность самодержавия являлась выражением раздвоенности политики абсолютизма. Всевластие бюрократии отражало приспособление царизма к буржуазной эволюции в условиях сохранения феодально-крепостнической природы абсолютизма. Возрастание независимости и силы бюрократии свидетельствовало о дальнейшем продвижении России по пути капиталистического развития, об усилении влияния буржуазии на политику царизма.

Вызывает серьезные возражения в этой связи тенденция излишней «феодализации» российской бюрократии, которая имеет место в книге А. М. Давидовича³⁷. Разумеется, нельзя говорить о превращении бюрократии в буржуазный институт, в чистом виде воплощающий в своей деятельности интересы капитала. Но нельзя рассматривать бюрократический аппарат как учреждение насквозь крепостническое и по своему социальному составу и по классовой направленности, ибо это противоречит и ленинским оценкам и реальной действительности капиталистической России. А. М. Давидович старается или не замечать или по-своему интерпретировать те ленинские высказывания, в которых подчеркивается теснейшая связь российской буржуазии и бюрократии. Характерно в этом отношении следующее его высказывание: «И. Н. Андреев (псевдоним Ник. Николин), перебежавший от большевиков к меньшевикам-ликвидаторам и отстаивающий их концепцию, утверждал, что «бюрократия очерпает свои силы» в социальной среде Крестовниковых, Гучковых, Авдаковых и прочих, т. е. в верхах буржуазии. Ошибочность такой трактовки царской бюрократии как якобы буржуазной по своей классовой сущности раскрыл В. И. Ленин»³⁸. В действительности, как раз наоборот, В. И. Ленин согласен именно с этой частью рассуждений Ник. Николина. Он подчеркивает, что на самом деле верхи торгово-промышленной буржуазии есть та социальная среда, откуда бюрократия «почерпает... силы» и движущие «мотивы для своей деятельности». Отрицать связь бюрократии с буржуазией, резюмирует В. И. Ленин, могут люди, «совершенно не понимающие взаимозависимости экономических и политических отношений в России и значения III Думы»³⁹.

А. М. Давидович толкует ленинские указания на то, что российскому абсолютизму соответствовало «*полное бесправие* народа перед чиновничеством, *полная* бесконтрольность привилегированной бюрократии»⁴⁰, как доказательство крепостнического характера российской буржуазии⁴¹. Между тем В. И. Ленин постоянно подчеркивал то обстоятельство, что крепостническая сторона самодержавия и бюрократии имеет свой предел в условиях капиталистической России. «Самодержавие,— писал он,— есть... самовластие чиновников и полиции и бесправие народа. От этого бесправия страдает весь народ, но имущие классы (особенно богатые помещики и капиталисты) оказывают очень сильное влияние на чиновничество. Рабочий же класс страдает вдвойне: и от бесправия всего русского народа, и от угнетения рабочих капиталистами, которые заставляют правительство служить их интересам»⁴². В. И. Ленин подчеркивал, что действительно «бюрократия правит государством российским».

³⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 22, стр. 130—131.

³⁷ А. М. Давидович. Указ. соч., стр. 188—190.

³⁸ Там же, стр. 188.

³⁹ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 21, стр. 57—58.

⁴⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 455.

⁴¹ См. А. М. Давидович. Указ. соч., стр. 189.

⁴² В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 252.

Но раскрывая происхождение ее основного костяка и социально-значимые функции, он указывал: «Пополняемая, главным образом, из разночинцев, эта бюрократия является и по источнику своего происхождения, и по назначению и характеру деятельности глубоко буржуазной, но абсолютизм и громадные политические привилегии благородных помещиков придали ей особенно вредные качества. Это — постоянный флюгер, полагающий высшую свою задачу в сочетании интересов помещика и буржуа»⁴³. На бюрократию была возложена ответственная задача формирования политического курса, принятия важнейших политических решений. Причем эти решения должны были одновременно отражать интересы помещиков и буржуа. И наиболее надежной формой реализации такой комбинированной задачи являлась относительная видимая независимость бюрократии от тех классов, чьи интересы в конце концов она воплощала в своей деятельности.

А. М. Давидович явно склонен абсолютизировать крепостнический характер и социального состава бюрократии. Не отрицая того факта, что высшие сферы бюрократии имели самую тесную связь с крупным землевладением, нельзя упускать из виду, что крепостнический лагерь в силу своей количественной ограниченности не мог удовлетворить потребности огромного бюрократического аппарата России в кадрах.

По данным самого же А. М. Давидовича, из 92 533 чиновников, включенных в «Ведомость служащих в гражданских ведомствах всех классов, должностей и чинов, причисленных к ведомству», на 1897 г. потомственные дворяне составляли меньше трети⁴⁴. По подсчетам П. А. Зайончковского, примерно 70% высших чинов бюрократии (данные на 1888 г.) уже не принадлежали к поместному дворянству⁴⁵. Обуржуазивание личного состава бюрократии в пореформенный период⁴⁶ и тем более на стадии империализма было исторически закономерным и неизбежным процессом, обусловленным прежде всего необходимостью приспособления различных государственных служб к функционированию капиталистического уклада экономики, потребностью в чиновниках, профессионально подготовленных. Их поставляла в значительной степени буржуазная интеллигенция. «Капитализм,— подчеркивал В. И. Ленин,— во всех областях народного труда повышает с особенной быстротой число *служащих*, предъявляет все больший спрос на интеллигенцию»⁴⁷.

Бюрократия стремилась формально деполитизировать не только буржуазию, но и дворянство. В нашей литературе обычно основной акцент делается на политическом безвластии буржуазии, но обходится вопрос о фактическом участии дворянства в принятии и реализации важнейших политических решений. В этой связи интересно посмотреть на специфику социально-политического строя капиталистической России с точки зрения фактического участия дворянства в политической жизни. С одной стороны, дворянская сословная корпорация в капиталистической России имела статут самоуправления: за дворянством сохранялись определенные привилегии, но с другой — компетенция и деятельность дворянских органов как в области внутрисословного самоуправления, так и участия в местном управлении были настолько жестко регламентированы правительством, находились под таким строгим контролем, что проявление всякой инициативы сводилось к минимуму⁴⁸. Аб-

⁴³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 301.

⁴⁴ См. А. М. Давидович. Указ. соч., стр. 190.

⁴⁵ П. А. Зайончковский. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М. 1970, стр. 114.

⁴⁶ Там же, стр. 112.

⁴⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 209.

⁴⁸ См. А. П. Корелин. Указ. соч., стр. 74.

солютизм исключал всякие серьезные попытки дворянских организаций регулировать государственно-правовые нормы Российской империи, касаться в своих ходатайствах принципиальных вопросов устройства и функционирования государственной власти. И поэтому вполне закономерно широкое распространение в пореформенный период оппозиционных настроений в дворянстве по отношению к бюрократии, фактически олицетворявшей собой абсолютизм⁴⁹.

Необходимо учитывать и то обстоятельство (о котором пишет сам А. М. Давидович), что под натиском революции самодержавию пришлось издать указ от 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других податных сословий», который юридически перечеркнул монопольное право дворян поступать на государственную службу и фактически мало что оставил от их личных прав⁵⁰. Разумеется, с формально-юридической точки зрения дворянство продолжало чувствовать себя свободнее, чем буржуазия, но тенденция деполитизации, исходившая от российского абсолютизма, затрагивала оба класса. В то же время относительная самостоятельность царизма как надстройки позволяла ему, не ущемляя основных привилегий дворянства, учитывать и отражать в своей политике коренные интересы представителей капитала. Равнодействующая политики самодержавия проходила в плоскости переплетения коренных интересов помещиков и буржуазии.

Главный социально-политический сдвиг, который в концентрированном виде отразил своеобразие самодержавия и расстановки классовых сил в России эпохи империализма,— закрепление в руках буржуазии значительной доли реальной политической власти. Эту истину, наиболее емко отражающую специфику социально-политического строя России эпохи империализма, в нашей литературе либо стараются обойти (опасаясь, как бы не оказаться на меньшевистской позиции), либо начисто отрицают. Например, Е. Д. Черменский справедливо критикует А. Я. Авреха за абсолютизацию политического бесправия российской буржуазии⁵¹, когда последний утверждает, что русские капиталисты не принадлежали к «верхам» общества, ибо не имели вплоть до 1917 г. реальной политической власти⁵². В другой статье тот же Е. Д. Черменский связывает эволюцию самодержавия начала XX в. только с изменениями его юридического статуса. Их суть он усматривает в том, что «после революции 1905 года все же была конституция, но узко цензовая, более или менее прозрачная, более или менее фиктивная»⁵³.

Довольно большая группа историков еще категоричнее в оценке роли и места российской буржуазии. В частности, А. М. Давидович и С. А. Покровский утверждают: «Реальная политическая власть до последнего дня существования самодержавия оставалась в руках крепостнически-дворянско-помещичьего класса»⁵⁴. Правда, в своей книге А. М. Давидович иногда пытается смягчить выше приведенную формулировку, дополняя ее абстрактной фразой о том, что «феодалы осуществляли свое политическое господство при поддержке буржуазии, смертельно напуганной революцией 1905—1907 годов»⁵⁵. Но в заключение он опять-таки не менее категорично заявляет, что буржуазия и после революции 1905—1907 гг. «осталась политически поработанной абсолю-

⁴⁹ Там же, стр. 78—79.

⁵⁰ См. А. М. Давидович. Указ. соч., стр. 61.

⁵¹ Е. Д. Черменский. «Вопросы истории КПСС», 1967, № 7, стр. 87.

⁵² «Вопросы истории КПСС», 1966, № 5, стр. 40.

⁵³ Е. Д. Черменский. Царизм и третьиюньская дума, стр. 30.

⁵⁴ См. А. М. Давидович, С. А. Покровский. О классовой сущности и этапах развития русского абсолютизма. «История СССР», 1969, № 1, стр. 78.

⁵⁵ А. М. Давидович. Указ. соч., стр. 228.

тизмом и помещиками»⁵⁶. На таких же позициях стоит С. Я. Боровой. Посвятив свою статью доказательству тезиса о теснейших экономических связях русской буржуазии с царизмом и соответственно с помещичьим землевладением, он в конце концов основной акцент делает на политическом бесправии буржуазии, констатируя «несоответствие между экономическим весом и политическим бессилием буржуазии в эпоху империализма», рассматривая царизм как социально-политическое явление, в принципе качественно неизменное. «Царизм,— утверждает он,— не мог создать не только для буржуазного класса в целом, но даже для его верхушки общественно-политических условий, обеспечивающих «нормальное» развитие капиталистических порядков. Общая направленность политики царизма во многом не соответствовала коренным интересам буржуазии». По его мнению, «нигде буржуазия (даже ее верхушка) не была так политически бесправна, как в России»⁵⁷.

Но что такое «реальная политическая власть», каково соотношение коренных и второстепенных интересов русских капиталистов, каков механизм реализации политической власти? Государственная (политическая) власть есть материализованная воля господствующих классов, направленная на реализацию их коренных интересов. Эту мысль неоднократно подчеркивали основоположники марксизма-ленинизма⁵⁸. Следовательно, объем реальной власти того или иного класса определяется, во-первых, фактическим его положением в экономической структуре общества; во-вторых, степенью адекватности политических решений, исходящих от государства, коренным интересам данного класса; в-третьих, эффективностью механизма воздействия класса или социальной группы на принятие важнейших политических решений. Учитывая эти критерии, с полной определенностью можно сказать: русская буржуазия обладала значительной долей реальной политической власти. Она держала в своих руках главные рычаги хозяйственно-экономического организма страны. «Русская буржуазия,— писал В. И. Ленин еще в конце XIX в.,— не только уже теперь повсюду держит в руках народный труд, вследствие концентрации у нее одной средств производства, но и давит на правительство, порождая, вынуждая и определяя буржуазный характер его политики»⁵⁹.

Буржуазия в России имела прямое отношение к реальной политической власти, что выражалось в принципиальном совпадении государственной политики царизма и коренных интересов капитала, в неограниченном закулисном и открытом влиянии буржуазии на принятие важнейших решений общегосударственного масштаба. Царизм обеспечивал буржуазии такие экономические привилегии, подчеркивал В. И. Ленин, которых не имела даже западная буржуазия, хотя она и занимала официальные политические высоты в своих странах. «Экономическая привилегия,— указывал он,— есть собственность на капитал, приносящая в России в два-три раза больше прибыли, чем в Европе»⁶⁰. У российской буржуазии, отмечал В. И. Ленин, был отработан целый механизм воздействия на государство и его политику: «У фабрикантов есть тысячи способов давить на правительство: у них есть свои общества и учреждения, фабриканты заседают во многих правительственных комиссиях и коллегиях... фабриканты имеют лично доступ к министрам, фабриканты могут сколько угодно печатать о своих желаниях и требованиях»⁶¹.

Русская буржуазия не довольствовалась лишь опосредованным, неофициальным влиянием на царизм: в эпоху империализма она активно

⁵⁶ Там же, стр. 347.

⁵⁷ С. Я. Боровой. Указ. соч., стр. 105, 108, 113, 115.

⁵⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 310.

⁵⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 278.

⁶⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 22, стр. 62.

⁶¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 287.

внедряется и прибирает к своим рукам и конкретные звенья государственной машины. В 1917 г., характеризуя Временное правительство, В. И. Ленин писал: «Это — представители нового класса, поднявшегося к политической власти в России, класса капиталистических помещиков и буржуазии, которая давно *правит* нашей страной экономически и которая как за время революции 1905—1907 годов, так и за время контрреволюции 1907—1914 годов, так наконец, — и притом с особенной быстротой, — за время войны 1914—1917 годов чрезвычайно быстро организовалась политически, забирая в свои руки и местное самоуправление, и народное образование, и съезды разных видов, и Думу, и военно-промышленные комитеты и т. д. Этот новый класс «почти совсем» был уже у власти к 1917 году»⁶². Ленинская оговорка «почти совсем» означает отнюдь не политическое бесправие буржуазии, а то, что русский капитал до 1917 г. не обладал всей полнотой реальной политической власти. Данное ленинское высказывание глубоко диалектично, оно отрицает метафизический подход к проблеме власти: по мере упрочения экономической мощи буржуазии крепили и ее политические позиции, расширялись масштабы ее реальной власти. Русской буржуазии эта власть не свалилась как снег на голову только в 1917 г., ее политические привилегии уходят своими корнями в предшествующие десятилетия. Еще в 1912 г. В. И. Ленин писал, что русские капиталисты «в лице октябриста и кадеты заняты *на деле* тем, что делят между собой и Пуришкевичами теперешнюю политическую власть, теперешние политические привилегии»⁶³. Другое дело (это обстоятельство зачастую не учитывается некоторыми историками), что российская буржуазия не имела формальной политической власти, закрепленной в официально действующих государственных учреждениях чисто буржуазного характера.

Обостренное внимание к формально-юридической стороне эволюции самодержавия заслонило, в частности, для А. М. Давидовича исследование вопроса об объеме реальной власти буржуазии. Исходная посылка и обобщенный итог его книги таковы: самодержавие оставалось крепостническим, ибо «царь стоял во главе армии чиновников. И после 1905 г. царизм, конечно, не перестал быть самодержавием чиновников»⁶⁴. Такой подход к оценке классового содержания и социальной направленности власти есть не что иное, как абсолютизация формы правления, специфики методов, используемых данным политическим режимом. Между тем В. И. Ленин подчеркивал: «Монархия вообще не единообразное и неизменное, а очень гибкое и способное приспособляться к различным классовым отношениям господства, учреждение»⁶⁵. Выводы А. М. Давидовича — следствие и известной альтернативности и категоричности в решении им проблемы власти. Он допускает лишь две взаимоисключающие исторические ситуации — либо власть крепостников, либо — буржуазии⁶⁶. Третьего пути — такой расстановки сил, когда фактически господствующие классы в обществе относительно уравниваются друг друга — он не видит. Именно о таком равновесии писал Ф. Энгельс, характеризуя западноевропейский абсолютизм и природу относительной самостоятельности государственной власти⁶⁷.

Для уяснения подлинной роли буржуазии в социально-политическом строе России эпохи империализма важно определить соотношение коренных и второстепенных интересов российского капитала и соответственно выяснить, в какой степени политика царизма отвечала коренным интересам данного класса. А. М. Давидович приходит к заключе-

⁶² В. И. Ленин. ПСС. Т. 31, стр. 18.

⁶³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 21, стр. 241.

⁶⁴ См. А. М. Давидович. Указ. соч., стр. 297, 347.

⁶⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 20, стр. 359.

⁶⁶ А. М. Давидович. Указ. соч., стр. 11, 197.

⁶⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 172.

нию, что политическое бесправие буржуазии «определяло неизбежность конфликта между буржуазией и царизмом, невозможность настоящего мира между классом буржуазии в целом и самодержавием»⁶⁸. Примерно такую же (правда, более гибкую) позицию занимает Е. Д. Черменский, утверждая, что «широко понятые интересы» российского капитала «требовали модернизации существующего строя»⁶⁹. С. Я. Боровой усматривает вопиющее противоречие между интересами капиталистов и политической царизма⁷⁰. Нам представляется, что дело обстоит как раз наоборот: «широко понятые интересы» русской буржуазии исключали ее серьезные претензии на «модернизацию» существующего строя.

Коренные интересы русского капитала толкали его на путь сохранения самодержавия как социально-политической системы, а требования модернизации и демократизации существующего строя вытекали как раз из второстепенных интересов буржуазии как класса. Коренные интересы составляли экономические привилегии российской буржуазии, на страже которых бдительно стоял царизм. Буржуазию больше всего волновала проблема сохранения этих привилегий. Она понимала, что самым надежным гарантом в этом деле является самодержавие со всеми его средневековыми минусами. Разумеется, модернизация царизма в сторону буржуазной эволюции не помешала бы русской буржуазии, позволила бы ей более активно реализовывать свои потенциальные возможности. Но всякая модернизация, неизбежно сопровождаемая ростом социальной активности масс, могла затронуть коренные интересы буржуазии. Последняя не могла этого не осознавать, правильно (для себя) оценивая соотношение коренных и второстепенных интересов. В этой связи В. И. Ленин подчеркивал: «Буржуазия не откажется от старорусских спокойных, удобных, доходных форм эксплуатации для замены их *только* европейскими, *только* демократическими... не откажется... без крайней, последней необходимости»⁷¹ (например, когда находится под угрозой ее существование как класса). В. И. Ленин также указывал, что русский капитал сознательно жертвует собственным демократизмом ради спасения своих коренных интересов⁷².

Имевшая место в истории России игра в демократию, поддержка конституционной фикции зачастую обуславливались либо субъективными желаниями отдельных слоев буржуазии, либо давлением демократической общественности, либо заботой буржуазии о придании большей прочности и политической гибкости царскому режиму. В. И. Ленин подчеркивал, что даже «либералы хотели «освободить» Россию «сверху», не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков, побуждая их только к «уступкам» духу времени»⁷³. Мечтая разделить юридическую власть с царем, помещиками, буржуазия фактически исходила из представлений о том, что ее законное участие в государственном управлении укрепит шатающийся политический режим.

Для российской буржуазии существующий политический строй становился исторически естественным состоянием общества. Контрреволюционная в своей основе она не мыслила своего существования без средневековых пристроек (хотя отдельными из них была иногда не совсем довольна), так как в принципе в решающие моменты жизни политическая надстройка удовлетворяла ее интересам. Покровительственная таможенная политика, миллионные льготные кредиты, авансы Государственного банка, безвозвратные ссуды, система государственных премий промышленникам, политика «спасения» частных банков от банкротства,

⁶⁸ А. М. Давидович. Указ. соч., стр. 105.

⁶⁹ Е. Д. Черменский. Царизм и третьиюньская дума, стр. 31.

⁷⁰ С. А. Боровой. Указ. соч., стр. 113, 115.

⁷¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 22, стр. 62.

⁷² См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 302.

⁷³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 20, стр. 175.

выгоднейшие казенные заказы министерства путей сообщения и военных ведомств, исключительно низкое налоговое обложение буржуазии, создание максимума благоприятных условий для выколачивания прибавочной стоимости, особенно политика царизма в «рабочем вопросе», — все это исходило из существующего режима власти и оптимально соответствовало коренным интересам буржуазии. Достаточно сказать, что накануне первой мировой войны капитал промышленных акционерных обществ в России почти равнялся капиталу германских промышленников (в России он составлял 3224 млн. руб., в Германии — 3362 млн. руб.)⁷⁴. Особенно интенсивно шел процесс обогащения российской буржуазии в годы первой мировой войны. По сведениям Совета съездов представителей промышленности и торговли, валовая прибыль 791 крупного и среднего акционерного предприятия с общим капиталом в 2087 млн. руб. увеличилась за 1913—1915 гг. почти вдвое. Основной капитал этих компаний достиг в 1915 г. 2281 млн. рублей⁷⁵. По признанию начальника главного артиллерийского управления А. А. Маниковского, «военное ведомство само сыпало в ненасытную и бездонную утробу промышленников и спекулянтов сотни миллионов народного достояния, получая от них за это лишь ничтожную помощь в деле обороны»⁷⁶.

Коренным интересам российского капитала отвечала и аграрная реформа Столыпина, националистическая и шовинистическая политика царизма, программа перевооружения армии и флота⁷⁷. Одно из важнейших направлений реальной политики самодержавия — внешняя политика — было прямо пробуржуазным. Плыть в фарватере англо-французского империализма заставляла царскую дипломатию русская буржуазия, ее коренные интересы⁷⁸.

Охраняя экономически и политически незыблемость помещичьего землевладения, полуфеодальные методы эксплуатации, царизм, несомненно, тормозил общественный прогресс в форме широкого и свободного развития капитализма. Но такого рода прогресс, по существу в революционной форме, противоречил коренным интересам российской буржуазии, ибо она жила в тех исторических условиях, когда сам капитализм развивался уже по нисходящей линии. Для монополистического капитала России, воплощавшего мощь буржуазии как класса в целом, такой прогресс означал неминуемую гибель. Царизм как политическая надстройка в принципе соответствовал реакционной сущности самого монополистического капитала. Русская буржуазия в известной степени признавала социальный прогресс, поскольку он совпадал с ее классовыми интересами, но только в эволюционной форме. А такое представление о прогрессе означало признание незыблемости основ существующего строя. «Либералы ограничиваются поэтому, — писал В. И. Ленин, — «борьбой за реформы», «борьбой за права»⁷⁹.

Буржуазная историография всегда пыталась и сейчас стремится изобразить представителей российского капитала радикально настроенной по отношению к царизму политической силой, будто бы возглавившей демократический лагерь в его борьбе с самодержавием. Много слов в этой связи сказано о так называемом прогрессивном блоке, который камуфлируется под «революционный противовес» царизму. Но сами деятели прогрессивного блока, говоря о целях и истинном характере

⁷⁴ См. С. Г. Струмилин. Статистико-экономические очерки. М. 1957, стр. 525.

⁷⁵ «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1916, № 31, стр. 126; № 33, стр. 191.

⁷⁶ Цит. по: И. И. Минц. История Великого Октября. Т. 1. М. 1967, стр. 149.

⁷⁷ См. И. Ф. Гиндин. В. И. Ленин об общественно-экономической структуре и политическом строе капиталистической России, стр. 284.

⁷⁸ И. В. Бестужев. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906—1910. М. 1961, стр. 29.

⁷⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 20, стр. 175.

этой организации, сравнивали ее (например, В. В. Шульгин) с цепью, которая должна сдерживать напор революционной толпы, не давая ему прорваться. Известно, что даже в критические дни, накануне Февральской революции, когда русская буржуазия могла жестоко поплатиться за лобзания с крепостниками, она не отказалась от попыток спасти царизм, свою надежную опору.

Как уже подчеркивалось выше, в эпоху империализма у российского капитала сформировался хорошо налаженный аппарат воздействия на политику государственной власти. Его главными рычагами являлись Государственная дума, предпринимательские организации буржуазии, органы государственно-монополистического регулирования экономикой, личное и кооперативное представительство капиталистов в правительственных органах, органы местного самоуправления, личные унии монополий и государственного аппарата, закулисное влияние на подбор и политические действия высшей бюрократии с помощью подкупа и насаждения коррупции и т. д.

В годы первой мировой войны глубина и масштабы организационного творчества буржуазии, эффективность ее влияния на все сферы хозяйственной и общественно-политической жизни России резко возрастают. Создание военно-промышленных комитетов, организация Земгора, Особых совещаний — наглядное подтверждение все большей политизации предпринимательской деятельности буржуазии, отражение процесса расширения объема реальной политической власти российского капитала⁸⁰. Представляется весьма актуальным специальное конкретно-историческое исследование этого механизма (в комплексе и взаимосвязи всех его звеньев) воздействия российской буржуазии на политическую линию государства. В литературе исследованы лишь отдельные части этого механизма⁸¹.

Таким образом, качественные сдвиги в социально-экономической структуре капиталистической России, выразившиеся в укреплении экономических позиций российского капитала, обусловили и существенные изменения в политической надстройке. Воплощая в своей политике феодално-крепостнические по преимуществу методы эксплуатации и угнетения трудящихся, охраняя экономические и политические привилегии дворянства, самодержавие было вынуждено приспособляться к условиям буржуазной эволюции, учитывать реальное соотношение классов и отражать коренные интересы тех сил, которые олицетворяли собой капиталистическое развитие. Не имея формальной власти, закрепленной в официально действующих учреждениях чисто буржуазного характера, российский капитал обладал значительным объемом реальной власти, используя отработанную систему способов воздействия на внутреннюю и внешнюю политику самодержавия. Царизм как политическая система стал для реакционной российской буржуазии надежной гарантией реализации ее коренных интересов, исторически естественной формой государственной власти.

⁸⁰ Конкретный материал о специфике и деятельности этих органов см.: Н. П. Ерощкин. История государственных учреждений дореволюционной России. М. 1968, стр. 297—303; С. А. Сомов. Буржуазия в Особом совещании накануне Февральской революции. «Научная сессия, посвященная 50-летию свержения самодержавия в России. Секция I». М.-Л. 1967, стр. 35; А. М. Давидович. Указ. соч., стр. 332—333; Г. С. Акимова. Указ. соч., стр. 68.

⁸¹ См. Я. И. Лившин. «Представительные» организации крупной буржуазии в России в конце XIX — начале XX в. «История СССР», 1959, № 2; Р. Ш. Ганелин, Л. Е. Шепелев. Предпринимательские организации в Петрограде в 1917 г. «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». М.-Л. 1957.